

18+

ТИМОФЕЙ КОВАЛЬКОВ

Пассажир декабря

ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ
И ПСИХОТЕРАПИИ

Тимофей Ковальков

**Пассажир декабря. Повесть
о любви и психотерапии**

«Издательские решения»

Ковальков Т.

Пассажир декабря. Повесть о любви и психотерапии /
Т. Ковальков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964556-2

О любви и психотерапии далеко еще не все сказано... И снова автор удивляет нас неожиданными поворотами сюжета. Поражает так, что мы остаемся в трансе с открытыми глазами и прерванным дыханием на все время чтения повести-триллера «Пассажир декабря». В сборник вошли также избранные стихи автора.

ISBN 978-5-44-964556-2

© Ковальков Т.
© Издательские решения

Содержание

Пассажир декабря	6
Пролог	6
Такси	8
Океан	11
Отель	13
Фея	16
Звонки	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Пассажир декабря

Повесть о любви и психотерапии

Тимофей Ковальков

© Тимофей Ковальков, 2020

ISBN 978-5-4496-4556-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пассажир декабря повесть о любви и психотерапии

Задача психотерапии так или иначе неизбежно включает прохождение через страдание, если речь идет о росте человека, поэтому то столь многие уклоняются от углубляющего диалога со своим путешествием по жизни. Но процесс этот не столь уж страшен или мучителен, как может показаться на первый взгляд, тем более что награда – обновление и расширение горизонтов, если мы того захотим.

Джеймс Холлис

Любовь – это давать то, чего у тебя нет тому, кого ты не знаешь.

Карл Юнг

Пролог

На одном из пляжей Пуэрто-де-ла-Крус на острове Тенерифе, вблизи песчаной отмели, на синем надувном матрасе загорала молодая женщина. Ее открытый белый купальник «Армани» удачно контрастировал с кожей кофейного оттенка. Голову прикрывала от солнца изящная соломенная шляпка, а глаза защищали темные очки. Пляж пустовал: две-три семьи местных жителей и несколько туристов живописно расположились в шезлонгах под зонтиками. Женщина лениво перелистывала журнал *Esquire* и иногда бросала тревожный взгляд поверх очков в сторону берега. Не простудится ли ее малыш, ведь вода в океане еще прохладная? Впрочем, малыш чувствовал себя прекрасно – худенький мальчик с огромными синими глазами и белесыми волосами. Он резвился у кромки воды с другими детьми. Такой бледненький и хрупкий, совсем не похожий на смуглых, чернявых местных детишек.

Молодая мама размышляла, каким языкам имеет смысл обучить мальчика в первую очередь. Сыну исполнилось всего четыре годика, но он уже знал многие русские, английские и испанские слова. Развитый не по годам, он уже умел писать, хотя писал еще с кучей смешных орфографических ошибок по принципу «как слышится, так и пишется». Пожалуй, стоит всё же начать с английского и русского языков. Главное не это. Как хотелось бы, чтобы ее малыш рос в психической гармонии, не налетев в своем развитии на те подводные камни, что ожидают многих и многих взрослых.

Размышляя таким манером, женщина перевернула страницу журнала. На песок выпали несколько детских рисунков, исполненных в той наивной и непосредственной манере, что так привлекает родителей к творчеству своих отпрысков. На картинках улыбались собаки, топали бегемоты, бегали крокодилы, шли по делам ежи, росли елки, катились машины с включенными фарами, плавали корабли в океане, и везде светило солнце. Ох, какой он еще маленький, ее сын, как долго ему расти, как долго развиваться!

Мальчик почувствовал беспокойный взгляд матери, бросил игру и подбежал к ней.

– Мама, мама, расскажи мне сказку, – попросил он.

– Какую, малыш?

– Не страшную и не про крыс, как в прошлый раз.

– Ну хорошо, слушай, только не перебивай. Жил был крокодил и звали его Каркадил Иванович. Идёт он однажды по берегу мутно-зеленой реки и встречает *каркадила* по имени Крокодил Петрович. – Мама, а кто такой *каркадил*? – спросил сын.

– Есть такой зверь в Африке, он очень похож на крокодила, только немного грустный и полосатый, – ответила мама.

– А почему его так звали – Крокодил Иванович? Разве так можно?

– Его так мама-каркадилиха назвала.

– А, ну тогда ладно, а что было дальше?

– Каркадил сказал: «Кар!», а крокодил сказал: «Дил!», но они решили не драться, а дружить, а заодно скушать банан. Только крокодил совсем запамятовал, что бананов крокодилы не едят, и случайно съел полбанана, и у него заболел животик. Пришлось бедняге сесть на диету и три недели лечиться. А диета у крокодила была такая: съел он четырех бегемотов, одного случайно пробежавшего мимо гиппопотама по имени Геннадий Сидорович, двух двугорбых верблюдов и одного одногорбого верблюда, а потом ещё тарелку овсяной каши и маленькую конфетку. И живот у крокодила прошёл. А тем временем Каркадил выпил кефиру и лёг спать. Вот и вся сказка.

– Мама, мама, это плохая сказка, – возмутился мальчик.

– Почему, малыш? – спросила мама.

– В ней совсем нет морали!

– Ну хорошо, будет и мораль. Пока каркадил спал, приснился ему сон, будто бы он пошёл в школу, в первый класс. А там ему говорят: «Расскажи-ка, милый человек, как ты провел лето». Каркадил говорит: «Я много гулял, подружился с крокодилом и потом пил кефир». А ему отвечают: «Ну, этого не может быть, ты нас обманываешь, каркадилов вообще не бывает в природе, это всё выдумки, и ты не пил никакого кефира». А каркадил обиделся и сказал: «Как раз сами вы дураки, вы мне снитесь, и вас нет!» А потом каркадил проснулся и пошёл в гости к крокодилу, и они сыграли партию в домино. Крокодил Петрович говорит: «Ходи!» А Каркадил Иванович сказал: «Рыба, я выиграл!»

– Мама, мам, хватит придумывать, я пойду купаться.

– Ну хорошо, беги, сынок, только не долго, вода ещё холодная.

Мама приподнялась с матраса, встала на колени и обняла нежно малыша, прижала его к себе и поцеловала в лоб. Довольный мальчик побежал к океану, а женщина прилегла и снова принялась листать журнал.

Такси

Провинциальный актер после летнего отпуска порою забывает свой текст. Вовлеченный в нелепую, далекую от реальной жизни трагикомедию на затемненной сцене, бедняга не знает с чего начать. Он тщетно взывает к суфлеру, заснувшему после вечернего пива в будке и забывшему включить монитор. Какие чувства приходят в такой момент? Страх, стыд, досада, растерянность?

Мне лично было наплевать, что мог испытывать тот актер. Я не испытывал в тот декабрьский вечер ничего. Неужели вы вправду думаете, что субъект с коэффициентом интеллекта 137 живет чувствами? Не более, чем бочка дождевой воды, переполненная мутной, протухшей жидкостью, в которой резвятся инфузории и плавают опавшие листья. Был ли я спокоен? Абсолютно! Я напоминал сам себе глубоководную морскую мину, учувшую рожками взрывателей приближение вражеского катера. Да, я был чертовски спокоен.

Я ощутил себя вытолкнутым из ниоткуда на темную улицу. Опустошенное и растерянное существо. Забытый на пересадке пассажир. Что принадлежит мне в этом мире? Ничего, ни один атом. Даже тело какое-то не мое. Я ощутил режущее чувство одиночества и усомнился в реальности собственного существования. Я воспринимал все вокруг как эпизод нелепого сериала без начала и конца. Кем я был в этом сериале на самом деле? Зрителем или актером? Я не знал.

Я совершенно не осознавал, где я сейчас нахожусь, но это меня не пугало. Вопрос заключался в том, куда направиться дальше. Для начала я оглянулся по сторонам, вонзился взглядом в темноту улицы. Пронизывающий холод резал острыми лезвиями по голым ногам сквозь тонкие брюки. Сырая морозная ночь покрыла асфальт и деревья льдом. Под ботинками раздавался неприятный хруст, как будто я давил битое стекло. Ветер остервенело обдувал лицо, мешая вдохнуть. Улица была пустынна, как бывает только перед тусклым зимним рассветом. Наверное, я в Москве? Где же еще можно найти такие многослойные наросты липкой серости? Незнакомый райончик, старый. Кирпичные дома с черными глазницами окон кажутся вымершими. Легкая рыба курточка нарасташку не только не согревала, но и сама дрожала на ветру каждой чешуйкой. В правой руке у меня зажата пластиковая ручка нелепого оранжевого чемодана на колесиках. С такими чемоданами принято путешествовать на самолетах.

Ага, значит мне предстоит лететь! В минуты прозрения по косвенным признакам наконец понимаешь, чего требует от тебя судьба. Меня начала бить нервная дрожь. Ощупав карманы, я обнаружил три заграничных паспорта и прозрачный пластиковый конвертик. Внутри – билеты и туристический ваучер. Первый паспорт, по-видимому, был мой, хотя пышная фамилия Пирогов мне не понравилась. Такая фамилия никак не приклеивалась к моему теперешнему состоянию. Я открыл второй паспорт – с размытой фотографии улыбалось красивое и беззащитное женское лицо. Имя и фамилия мне ни о чем не говорили – некая Мария Бах. Судя по счастливому, любящему взгляду – чья-то жена, но вряд ли Пирогова. В третьем паспорте – незнакомый мне Николай Семенов. Что за тип? Во всяком случае, Пирогов, если допустить, что он – это я, пока был явно не в курсе. Загадка природы. Но не это сейчас важно. В кармане куртки лежал телефон с кредиткой, спрятанной в чехле. Определиться бы направлением движения, а там всё наладится, по обыкновению.

Грязноватый автомобиль с шашечками на крыше как по волшебству возник в предрастветной мгле. Старая «девятка», стекло в трещинах, значительный кусок бампера отгрызен силами мирового зла. Я поднял руку, машина остановилась. Водитель приоткрыл дверь, и спросил хриплым голосом, с явной симпатией разглядывая меня:

– Куда едем?

– Знать бы еще, – ответил я как бы в шутку.

– Садись, подвезу, я такси, – гордо произнес водитель.

Чемодан закинули назад, а я с облегчением опустил на переднее сиденье. Когда захлопнули дверцу, в боковой полке загромыхала литровая бутылка «Смирновки». Отпито где-то на треть.

– Ты что, квашишь за рулем? – спросил я.

– Нет, это я так, на случай если прижмет к обочине, – пояснил водитель, – пока покурил только, – добавил он, улыбнувшись, – покурил и поехал себе, а бутылка – если заколбасит.

– И что ты покурил, брат?

– Растения покурил, зеленые растения, – ответил шофер.

Я присмотрелся. Водила одет не по сезону: розовая поношенная пижамка, войлочные тапочки. Лицо небритое, синее, уставшее. Руки в татуировках. Хорош бродяга. Но и пассажир не прост.

– Так куда ждем? – уточнил водила.

– Шарик, терминал «Е», – сказал я хмуро, успев рассмотреть билет.

Такси рвануло по льду, как на крыльях, увозя пассажира со странной фамилией Пирогов. Мне не нравилась эта фамилия, но что делать, если я – пассажир сознания этого Пирогова. «Девятка» мчалась ближе к осевой, пошатываясь в стороны и игнорируя знаки. Скорость увеличивалась. Как бы наше чахлое автомобильное корытце не соскользнуло в сугроб. Утреннее путешествие в Склиф с разбитыми костями меня не прельщало. Засада вампиров в погонах, махавшими полосатыми жезлами, показалась мне желанным избавлением от крушения. Водила выполз из машины и, шлепая тапочками, проковылял к тучным упырям, покрытым инеем.

Оставшись один, я посмотрел на себя в зеркальце и удивился неприличной лохматости длинных черных волос. Расчески не было, пришлось поправить прическу рукой. В сознании из ниоткуда возникла старая детская песенка, придуманная как будто про меня:

Мы едем, едем, едем
В далёкие края,
Хорошие соседи,
Счастливые друзья.
Нам весело живётся,
Мы песенку поём,
И в песенке поётся
О том, как мы живём.¹

Водила вернулся без особой задержки.

– Я им так и сказал: хочешь пижаму бери, а больше нету ничего – первый клиент, – радостно сообщил он, подмигнул и добавил, – водяры хлебнешь со мной за компанию, а то меня уже прижало к обочине? Теперь постов уже не будет.

– А то, – сказал я.

Холодненькая «Смирновка» влилась ровно, видимо, не паленая. Дрожь унималась, утро манило меня к себе в объятия, пахнущие свежим дыханием «Гиннеса». Я смутно припоминал приличный бар на втором этаже зоны ожидания вылета. Усилием недремлющего интеллекта пора затвердить порт прибытия. Тенерифе, мать его. Что надо там Пирогову? Спрошу мерзавца позже.

¹ Слова Сергея Михалкова.

Океан

Ни одна рыба не понимает, что плавает в океане, ни один психотик толком не осознаёт, что живет в психозе. И рыбам, и психотикам необходим взгляд со стороны на ту среду, где они обитают. Рыбами я не занимаюсь – они молчаливы, самодовольны и не носят кредиток в чехах от смартфонов, а психотиков я приглашаю охотно. Меня зовут Мария, я психотерапевт, и этим я разительно отличаюсь от обычных людей, потому что обычные люди – и есть те самые психотики, даже если не знают об этом. Мир моей клиентуры неисчерпаем, так же как вечная очередь у ворот похоронных агентств. Моя фирма носит символическое название «Океан». Оно означает безграничное пространство психоза, мечущихся человеческих душ и Гольфстрим денежного потока. «Океан» приманивает клиентов старым как мир дискурсом избавления от страданий.

Даже самый мой богатый клиент по сути своей не кто иной, как нищий с протянутой рукой. Взаимоотношения ординарных людей – лишь эмоциональное попрошайничество. Приучившись с детства, каждый выклянчивает у других любовь, понимание, доверие, поддержку. Но в мире психоза, зависимости и духовной нищеты никто не в состоянии дать другому то, чем сам не обладает в достатке. В действие вступает коварный ум, манипулирующий, обманывающий, контролирующий, добивающийся крошечной власти диктатора над партнером по несчастью. Взаимоотношения преобразуются в клубок запутанных нитей, узелков, состоящих из вины и обиды. Над полем битвы реет лозунг-плакат. На нем нарисовано кровью пациентов лишь одно слово «должен». Пока вам кто-то должен или вы сами должны кому-то в этом мире, вы мой верный клиент и я вас жду на сеанс.

Психотерапевт – не индийский гуру. В профессию приходят обычные люди с улицы – психотики, часто прошедшие трудный жизненный путь. Я – не исключение, скорее наоборот. Мой путь в прошлом – это нескончаемая боль и тоска. Я пережила трудное детство, страстей было так много, что я утонула в них. Я не справлялась с бессилием. Но потом, в один из кризисов, я очнулась, перестала терять себя в заполняющей до краев боли. Я купила в «Икее» платяной шкаф под березу и поместила туда чувства и мысли, выцарапанные из головы, рядом с шикарными вечерними платьями – осколками распутной жизни. Мое настроение – совершенная пустота. Я парю в пространстве, ничто не захватывает свободное сознание.

Мой трюк прост: чтобы исчезнуть, нужно перестать фокусироваться как на внешнем, так и на внутреннем процессе и обратить внимание в центр сознания. Там и спрятана пустота, в пустоте живет океан душ – Бог, туда требуется нырнуть. Но нырнуть нужно не с головой, как обычно, а оставив ум снаружи. Я отсоединяюсь от окружающего мира, отсоединяюсь от мира мыслей, чувств, и нищий с протянутой рукой исчезает во мне. На самом деле, занудного попрошайки никогда и не было, он лишь снился. Моя сила в умении отсоединяться и вовремя присоединяться, если таков сознательный выбор. Я свободна, отсоединение дает необычайный прилив энергии. Возникает ощущение силы и превосходства.

Я приобретаю практически любую психологическую или эмоциональную форму по необходимости. Мне нужен человек, клиент, требующий, задающий вопросы, направляющий в меня стрелы своих беспокойных мыслей. Тогда я достану из гардероба свои чувства, примерю их, приму нужную форму, нацеплю маску и создам ум. Требуется небольшое усилие, напряжение внутри для конструкции формы. Приходят разные люди, и я приобретаю форму в ответ, по запросу клиента, на время. Это даже приятно – иметь новую форму, ограниченную рамками сеанса. Это и есть тайна и моя профессия – рождаться каждый раз вновь из пустоты и каждый раз по-новому в ответ на запрос клиента.

Я работаю с абсурдными вопросами, ответов на которые нет. Меня используют как сточную канаву отработанной агрессии, загнивших отходов конфликта души. От меня требуют,

чтобы я создавала удобные образы. И я принимаю в себя нечистоты ума – это было бы не слишком приятно, если бы мои чувства и мысли управляли мной, а не я ими. Клиенты видят во мне только форму, скроенную по заказу. Никто не знает, что я – одинокий океан извечной пустоты. И в то же время я остаюсь женщиной – соблазняющей, обволакивающей, обманывающей, капризной, чувственной, играющей и своенравной. Если вы усматриваете в моей роли хоть малейшее противоречие или двойственность, вы еще не знаете жизни.

Отель

Пирогов очнулся, и я вместе с ним в мятежной голове героя. Положение горизонтальное, полумрак. Душновато, слышен шум дождя за окном, но окна не видно за плотными шторами. Такие могучие шторы бывают только в отелях. По мелким признакам я и понимаю обычно, куда судьба затащила Пирогова. Действительно, серая реальность прорисовалась типовым номером: стеклянный столик, телефон, кровать, шкаф, зеркало. Пирогов встал, зажег лампу, подошел к зеркалу. Тип с исхудавшим лицом, не лишенным, впрочем, искры интеллекта и привлекательности, тарасился пронзительным взглядом. Кто он, этот Пирогов? Фигура стройная, немного женственная, белая шелковая рубашечка, нижнего белья, впрочем, не наблюдается. Странно, где бы оно? Похищено силами мирового зла. В кровати нет, в ванне тоже. В чемодане – журнал Esquire, бутылка «Грей гусятины», чешуйчатая рыба куртка и три заграничных паспорта. Все.

Темно-синие брюки из тончайшей шерсти скомканы на полу, рядом стоят изящные лакированные ботинки на небольшом каблучке. Надо бы отхлебнуть из бутылки и поспать. На улицу рано, там вроде дождь. Посмотрев в экран телефона и затвердив могучим интеллектом дату и время, Пирогов отключился, а я перешел тонкую границу наблюдения сна наяву и сна внутри сна Пирогова. Однообразно, скажу я вам.

Очнувшись повторно в полумраке номера, Пирогов потянул рукой смартфон. Устройство намекало: прошло двое суток. Бутылка «Грей гусятины» подтверждала данные аппарата: осталось на доньшке. Вот и поспали. За окном слышен всё такой же шум дождя. Отодвигаю вместе с Пироговым штору – окна нет. Глухая стена, вверху решетка вентиляции. В мире иллюзий даже окна исчезают без предупреждения. Надеваю брюки, приглаживаю рубашечку, поправляю взлохматившуюся прическу, плетусь в холл отеля.

Стеклянные стены холла сигнализируют недвусмысленно – ярчайшее солнце и никакого ливня. Шум воды издает мощный фонтан в фойе. Сюрпризик восприятия. Легкой скользящей походкой подхожу с Пироговым к дежурному. Вспоминаю английский.

– Номерок не приглянулся, родной, – говорю на правильном языке.

– Почему же? – интересуется клерк.

– Окон не наблюдаю, в натуре, – сообщает Пирогов вместо меня.

– Сейчас проверим... А, ну да, ну да, – клерк смотрит на Пирогова как на сумасшедшего: испуганно, но в то же время как-то странно заискивающе, – мы вас временно поселили в транзитный номер для персонала, пока готовили люкс. Вы должны были переехать в день приезда, но мы вас не беспокоили по вашей же просьбе.

Переезжаю в люкс – вид на океан. Погода шепчет. Но Пирогова неудержимо тянет в бар. Да и вообще, откуда такая депрессуха у Пирогова? Даже нижнего белья нет. Если я Пирогов, с чего ему пребывать в черной меланхолии? Надо бы прояснить вопросик, когда останемся наедине с мерзавцем.

Повторная ревизия оранжевого чемодана дала положительный результат: в скрытом кармашке в пакетике завернуты пляжные шорты странного покроя, больше похожи на женские, резиновые гламурные тапочки, обтягивающая тонкая маечка с надписью блестками: «Hello World!» и рекламка: «Частная психиатрическая клиника „Океан“, погрузитесь в меня прямо сейчас, телефон».

Фото сногшибательной дамы в строгом костюме, устроившейся кокетливо на подоконнике в луче света. Стройное колено в чулочке прижато к подбородку. Трогательно и пронзительно-детский взгляд черных, как кожа дельфина, глаз сквозь очки. А что? Мне определенно по вкусу эта дама. Я как будто давно ее знаю или недавно видел. После бара можно погрузиться в один из океанов – либо за окном, либо в рекламе.

Пирогов натягивает шортики, сексуальную маечку и спускается в бар. В баре весело. Тяжеловесная расфуфыренная мамаша придавливает пудровой силиконовой грудью мраморную стойку. Зубы акулы, косметика прочными, несмываемыми слоями скрывает истину. Пасынок-недоумок суется рядом и канючит ломающимся баском: «Ма-а-ам, ма-ам, мам!». Выпиваем по две-три. Мамаша отрывается из себя истории нелегкого быта гламурной акулы-одиночки. Пирогову стыдно: делиться-то нечем, кроме фантазии могучего интеллекта. Но он больше молчит. После шестой от мамыши поступает вопрос с некоторой даже долей сочувствия в голосе.

– Отчего вы так молчаливы, отчего грустите?

– Точно не помню, но предполагаю натурально классику жанра: проблемы с семьей, алкоголизм, психоз, бизнесу капут, диссоциативная фуга, – пояснил я вместо Пирогова, тронутый вниманием.

– Диссоциативная фуга? А что это?

– Когда забываешь напрочь, кто ты, придумываешь себе ложную личность, а она потом раздваивается, – уточняю я, гордясь энциклопедической эрудицией.

– То-то я смотрю, вы странно разговариваете. А кстати, кто вы?

– Пассажир декабря, – отвечаю я, пока Пирогов смакует напиток.

– Оригинально! Слушайте, не парьтесь, летим ко мне в Эмираты, у меня там куча недвижимости, поживете полгодика, развеетесь.

– Нет, я уж лучше назад в Москву, в психиатрическую клинику «Океан».

– А что, стоящая клиника?

– Не в курсе пока, но реклама больно заманчивая. Завтра позвоню.

На круглый стулик к стойке подгружается новый объект – полненькая жизнерадостная блондинка Евгения в тесноватом купальнике, впившемся в нежную кожу так глубоко, что его надо высверливать взглядом из впадин. Заказывает martini.

– Представляете, – говорит она, – когда мой муж Руслан летел сюда, он умудрился влезть в самолет в одних трусах и носках, еще полотенце повесил, через плечо.

– Ну и что? – говорит мрачно Пирогов. – Вот я просыпаюсь после перелета, смотрю, а на мне нет нижнего белья, и где оно потерялось – тайна. И полотенца тоже нет.

После седьмой разговор закономерным образом сворачивает на философию. Все заказывают текилы с кристаллами соли по краю рюмочек.

– А как вы думаете, инопланетяне существуют? – интересуется Евгения пьяным голосом.

– Натурально, милочка, существуют, даже не сомневайтесь, – отвечает уверенно Пирогов.

– Да? Я что-то ни разу не видела ни одного, ну не считая этих гуманоидов из мэрии. Где же они существуют? – настаивает Евгения.

– Мало ли, кто что не видел. Один мой знакомый не видел вампиров в пополах, а их полно на улицах, стоит только выехать без прав – мгновенно присосутся к венам и начнут пить кровь. Инопланетяне, впрочем, проживают там же, где и всё остальное. В вашей очаровательной головке, милочка, – поясняет Пирогов.

– Ну, так нечестно. Пусть они существуют в природе, в материи, – не унимается Евгения.

– А ваша головка чем же не годится? Это что – не природа, не материя? Уверяю вас, там самая природа и есть. Да и материя эта – сплошной обман. Матрица вероятностей. Вы, впрочем, квантовую механику когда в последний раз изучали? – иронизирует Пирогов.

– Мой Алешенька изучает, – вмешивается мамаша, поскрипывая силиконом. Она тычет невероятно длинным маникюренными ногтем в пасынка, – Алешенька, расскажи нам, что вы там сейчас проходите в колледже.

– Ну, ма-а-ам, ма-ам, мам! Ма-а-ам! – мычит снова пасынок, пуская слюни по подбородку.

День изливается в бокалы. Вечер подкрадывался на цыпочках. На океан тащиться поздно, в номер – рановато. Звонкий смех блондинки смешивается со ржанием силиконовой мамы и нудением семнадцатилетнего пасынка. Под конец вечера соседи по стойке косятся на Пирогова испуганными глазами. Видимо, он сказал что-то не то, я уже не контролирую.

Меланхолия не отпускает Пирогова. Вместе с «Грей гусем» булькает внутри Пирогова болотистое, вонючее чувство, что он потерял всё на свете, начиная с самого себя. Одиноко ему без себя, скажу я вам, и присутствие внутреннего свидетеля его трагедии в виде Пассажира декабря пока не очень вдохновляет беднягу.

Фея

Я иду по бульвару, и на меня оборачиваются люди. Наверное, сильное биополе чувствуется на расстоянии. Я красивая женщина и люблю одеваться со вкусом. Я могу хотеть, могу не хотеть что угодно. Любить или ненавидеть по собственному выбору, фея нового поколения. Фея – психиатр. Мария из пластилина, принимающая любую заданную форму по заказу клиента и создающая геометрию доверчивой личности пациента по своему образу и подобию. Я иду и напеваю песенку, услышанную в детстве по радио:

Я леплю из пластилина —
Пластилин нежней, чем глина.
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак.
Если кукла выйдет плохо,
Назову её Дурёха,
Если клоун выйдет плохо,
Назову его Дурак.²

В действительности мне глубоко безразлично, кто вылепился. Главное, чтобы возникла зависимость от терапевтической помощи. Мои куклы-пациенты хромают на обе ножки и получают от меня невидимые психиатрические костылики для поддержки трясущихся от страха душ. Без регулярных сеансов они попадают из окон своих роскошных квартир от когнитивного диссонанса. А сеансы приносят доход. Так устроен мир. Клиент может догадываться обо всем, но в каждый момент времени перевешивает его иллюзорное стремление обрести внутренний комфорт, насытится моим несуществующим теплом – теплом нарисованного в воображении домашнего очага.

В личных отношениях я деспотична. Я манипулирую партнером, требую от него максимума отдачи эмоций, душевной энергии и, конечно, положительного потока финансов. Взамен я не отдаю ничего. Мне и дать-то нечего, кроме пустоты, даже если бы я сильно желала этого. Ничто не мешает мне требовать внимания, подарков, помощи, исполнения капризов. Я веду себя как заурядная женщина, только более эгоцентричная. Но с клиентом всё иначе. Меня должны считать идеалом, отдающим всю себя для блага больного так, как он захочет. Любая фальшь будет отмечена, я обязана не кривить душой ни грамма. Быть открытой, как книга, благожелательной, как мать, и привязанной, как любящая жена. Это не просто, но мне удается.

Я угадываю стремления своих пациентов, предоставляю им то, чего именно им не хватает в данный момент. У всех по-разному, индивидуально, но, мне кажется, у меня отлично получается. Знание о клиенте, о его страхах, конфликтах, тайных желаниях появляются во мне из глубины, я их не ищу и даже и не думаю об этом специально. Просто возникает чувство будто бы присутствия цели рядом, появляется возбуждение, как у охотничьей собаки на запах дичи, и я выжидаю. Потом озарение происходит, и я бросаюсь на жертву, как пантера. Иногда приходится долго, неделями, месяцами выжидать, выслушивать бессмысленный словесный поток, маскироваться, прятаться за фразами, но в конечном итоге клиент раскрывается, и я ныряю в образовавшуюся брешь.

² Слова Матвеевой Новеллы

Звонки

Настойчивая вибрация смартфона вырывает сознание Пирогова из черноты. Он открывает слипшиеся глаза, и я начинаю наблюдать. Так-так: могучие шторы, зеркало, столик. Огромный постер с закатом, камышом и песком. Такие вешают в люксах, мать их. Пирогов уже жадно глотает минералку и хватает нервной тонкой рукой вибрирующий аппарат, пока тот не спрыгнул с тумбочки. На экране имя – Юля.

- Алло, – хрипит Пирогов.
- Ты где? – стервозный, визгливый женский голос.
- Здесь...
- Ты улетел?
- Куда? – удивляется Пирогов.
- На Тенерифе, идиот! – снова голос срывается на визг.
- Думаю, да, но сейчас проверю.

Пирогов встает с кровати, раскрывает шторы. Я вижу солнце, океан, гребешки волн, фантастический пляж из черного вулканического песка, искрящегося на солнце, как снег. Серфер катится по волне в сторону скал. Кто эта Юля? Она явно знает Пирогова, а он ни бельмеса. И спросить ее неудобно. Паршивенько.

– Ты что застыл, слонопотам? – голос скатывается на истерику. – Ты не один? С кем ты там? С кем ты улетел? У тебя было два билета, я видела.

- С женой, – отвечает Пирогов, прикинув мощным интеллектом безубыточный ход.
- Завязывай пить, елот! Она мне звонила три дня назад.
- Кто?
- Жена!
- Чья?
- Твоя, дебил. Устроила истерику, что ты ей изменяешь и не только со мной, как оказалось.

- Да, а с кем еще? – удивился я искренне.
- С Лидией, твоей новой плоской мразью, – голос в трубке готов расплакаться.
- Ну, ну, успокойся, это вряд ли правда, – сказал я неуверенно.
- Почему у тебя такой странный голос?
- Какой?
- Как не твой, ты сколько дней пьешь, имбецил?
- Кстати, ты забыла паспорт у меня в кармане, – врет Пирогов, чтобы увести беседу

в сторону от неприятной темы.

- Какой паспорт?
- Заграничный.
- Я ничего не забыла, мой паспорт у меня. Как бы я сейчас была в Паттайе, по-твоему?

Идиот! Чей у тебя паспорт? С кем ты улетел, кретин?

- Один, не волнуйся так.
- Ты врешь, ты никогда не летаешь один! Это она, опять она...
- Кто?
- Лидия, эта особь, эта пакость с небес, – голос в трубке готов расплакаться.
- Ее тут нет, и паспорт не ее. Какая-то Мария Бах, ты не знаешь, кто это?
- Завязывай пить, идиот! Это твоя жена. Ну ты допился! Я тебя люблю, козла. Пока.

Лечись. Целую.

В трубке уже гудки. Мария – жена Пирогова? Не припомню такого. Сейчас не это важно. Надо сказать Пирогову, чтобы нашел зубную щетку перед тем, как он докарабкается в бар. Снова истошно вибрирует смартфон. На экране имя – Николай. Пирогов снимает трубку.

– Ну, ты как? – приятный мужской голос, насыщенный баритон.

– Не очень...

– Колись, с кем ты там? Я, между прочем, волнуюсь!

– Ну, с Юлей, – отвечает Пирогов, а сам думает, с чего бы этому Николаю волноваться за Пирогова.

– Что ты несешь! Она в Паттайе сейчас с ребенком!

– Ну хорошо, не волнуйся!

– Завязывай пить! Я переживаю, между прочем, не спал три ночи, дрянь!

– Ну успокойся...

– Я чувствую, тут не обошлось без Олега...

– Какого еще Олега?

– Не придуривайся! Твоего знаменитого психиатрического Олега! Клянись, что он тут ни при чем!

– Клянусь!

– Завязывай пить, дрянь!

Короткие гудки. Вот и поговорили. Нижнего белья по-прежнему нет, и зубной щетки не появилось. Мировые силы зла не отгрызают проглоченные аксессуары из своей пасти. Пирогов натягивает сексуальные женские шортики и маечку. Я смотрю в зеркало на симпатичное, исхудавшее лицо Пирогова с искрой интеллекта в глазах. Он мне начинает нравиться. Снова навязчивая вибрация смартфона. На экране надпись – Океан.

– Алло, – произносит Пирогов уже с испугом.

– Наш вчерашний разговор оказался для меня неожиданно тяжёлым. Во время него я ещё держалась, а потом нет. Провалилась, до сих пор мне нехорошо. Вы ударили по больному, видимо, и я на миг засомневалась в себе, хотя это было нельзя. Это не профессионально. Так сходят с ума. Вы изливали на меня столько ненависти, вы хотели как можно больнее меня задеть.

– Да? – удивляемся мы одновременно с Пироговым.

– В каком-то смысле да. Вы не понимаете, что в отношениях двое. Вы не замечаете во мне женщину.

– Странно... – Пирогов недоумевает, женщин-то он уж всегда замечал.

– В отношениях беспокоятся друг о друге, а вы ни разу не поинтересовались, как я себя чувствую. Значит, я отсутствую для вас как личность. Меня нет в вашей системе координат. Может быть, я для вас как нависающая с неба гигантская плохая мать с крылышками. Но прогресс несомненен: вы наконец выплеснули ведро тех помоев, которые, видимо, вас затопляют изнутри, ненависти к женщинам. Конечно, виноваты ваши чувства к матери, причем очень архаичные, в них много накопившейся обиды. Сейчас вам должно стать лучше именно из-за этого. Количество агрессии внутри вас снизилось, часть ее излилась на меня. Именно эта ненависть запускала ваш процесс саморазрушения...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.